

О.Г. ХАРИТОНОВА, И.В. КУДРЯШОВА, С.М. ХЕНКИН, Е.А. ЗАХАРОВА, А.О. БЛОХИНА*

Политические режимы разделённых обществ в условиях глобализации

В ходе работы над проектом был изучен большой массив новой и новейшей российской и зарубежной научной литературы о проблемах разделённых обществ; состояние исследований постконфликтного урегулирования разделённых обществ на современном этапе, формы политического контроля разделённых обществ в условиях авторитаризма и демократии, проблемы территориальной организации разделённых обществ (федерализация, регионализация).

Проанализирован эмпирический опыт решения проблем разделённых обществ в сравнительно-исторической перспективе, рассмотрены институциональные методы разрешения и предотвращения межсегментных конфликтов. Проведено сравнение процессов государство- и нациестроительства в разделённых конфликтных и постконфликтных обществах. Рассмотрены сепаратистские этнические конфликты и случаи провозглашения независимости, сепсисий и возникновения де факто государственности, а также влияние этих процессов на устойчивость политических режимов и постконфликтную институционализацию. Также внимание авторского коллектива было сосредоточено на вызовах глобализации (миграция, этнический и религиозный терроризм) и появлении новых инокультурных сегментов в результате миграции в старых демократиях (Франция, Испания и Германия).

* **Харитоновна Оксана Геннадьевна** — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, руководитель проекта «Политические режимы разделённых обществ в условиях глобализации» (16-03-00872а).

E-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Кудряшова Ирина Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, исполнитель того же проекта.

E-mail: kudryashova23@yandex.ru

Хенкин Сергей Маркович — доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: sergkhenkin@mail.ru

Захарова Евгения Александровна — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, исполнитель того же проекта.

E-mail: eva5094@mail.ru

Блохина Алёна Олеговна — соискатель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, исполнитель того же проекта.

E-mail: blokhina.alena@gmail.com

Ключевые слова: разделённые общества, постконфликтное урегулирование, распределение власти, этнический конфликт, этническая война, терроризм, Испания, Франция

Исторически нация-государство как форма политической жизни победило своих соперников, потому что смогло соответствовать как внутренней необходимости централизованного авторитета и администрации, так и внешней необходимости быть признанным в качестве легитимного актора, который мог давать и сдерживать долгосрочные обещания.

Эти его способности обеспечивались, как правило, путём организации пространства территориальности (контроль над территорией) и пространства принадлежности (формирование национального сообщества).

Траектории развития многих государств сложились так, что им по тем или иным причинам не удалось достичь заветной территориальной и гражданской гармонии. Особый класс политий в этом ряду формируют так называемые разделённые общества, в которых политическое противостояние между группами имеет отчётливо выраженный сегментарный характер религиозной, идеологической, языковой, региональной, культурной, расовой или этнической природы. Чаще всего мы встречаем их в Азии и Африке, где вертикальные межсегментные перегородки политически оформились в ходе государственного строительства по проектам бывших метрополий, но они есть и в обеих Америках, и в разных частях Европы.

Для таких обществ поиск оптимальной институциональной рамки политического процесса всегда был в прямом смысле жизненно важной задачей, поскольку угроза насилия и государственной несостоятельности не просто маячила на горизонте, но не раз получала конкретные проявления.

Разделённые общества

Термин «разделённое общество» впервые использовал Э.Нордлингер в книге «Регулирование конфликтов в разделённых обществах» (1972 г.). Я.Лустик даёт следующее определение глубоко разделённых обществ: это общества, в которых «аскриптивные связи генерируют антагонистическую сегментацию, основанную на политически отчётливых конечных идентичностях» [1, р. 325]. Исследователь полагает, что эта и другие дефиниции («многосоставное», «вертикально сегментированное», «коммунально разделённое» общество) могут быть использованы как синонимы.

Поиск формулы представительства интересов конфликтующих сегментов, обеспечивающей не только их участие во власти, но и эффективность правительства, сопровождается горячими дебатами. Как правило, эксперты не подвергают сомнению только одну достаточно очевидную вещь: преимущество демократических институтов. Сам принцип распределения власти (*power sharing*) также не избежал общей участи быть подвергнутым сомнению: Ф.Рёдер, например, выступает против закрепления одной конфигурации представительства сегментов и отстаивает стратегию «общего государства» (*common state*) и разделения власти между правительством и гражданским обществом и между различными ветвями власти. В его логике аккомодация субкультурных различий должна быть основана на сотрудничестве между свободно формирующимися и изменяющимися коалициями большинства и меньшинств и в гражданском обществе, и во властных структурах [2].

Споры в литературе по политической организации разделённых обществ ас-

социруются в первую очередь с двумя яркими фигурами – выдающимися компаративистами А. Лейпхартом и Д. Горовицем [3–8]. Первый выступает убеждённым сторонником консоциативного подхода (лат. *consociatio* – сообщество), считая распределение власти между сегментами не только лучшим выбором для разделённых обществ, но и наиболее реалистичным – мажоритарные системы не могут быть использованы в таких обществах, поскольку системно исключают меньшие сегменты из процесса принятия решений. Последнее может с большой вероятностью породить насилие и привести к распаду политической системы. Отправной точкой консоциализма выступает сотрудничество элит (лидеров сегментов) с целью управления конфликтом. Стабильности консоциативной демократии (которая, несмотря на своё название, может функционировать и в обществах с гибридными режимами) способствуют некоторые условия (например, чёткое разделение сегментов, баланс сил, наличие внешних угроз и небольшой размер страны) [3, 5].

Главным критиком институционализации сегментарных различий через пропорциональную систему представительства выступает Д. Горовиц. В целом в его критической аргументации можно выделить две основные линии: во-первых, поддержание межсегментных границ не отвечает интересам стабильности, а во-вторых, наличие у лидеров большинства возможности самостоятельно контролировать все политические структуры не создаёт стимулов к сотрудничеству с сегментами меньшинств. Горовиц убеждён, что в разделённых обществах политическая система должна быть организована таким образом, чтобы способствовать «рассеиванию» конфликта и созданию демократических стимулов к строительству умеренных коалиций поверх этнических расколов.

С чем связаны неудачи практики постконфликтного урегулирования? Это асим-

метричные предпочтения групп большинства и меньшинства, прежде всего в отношении консоциации. Это общее желание избегать рисков и боязнь нового в этнической политике. Это наличие неоправданных ожиданий (например, в результате замствования институтов, успешно функционирующих в стабильных демократиях) и исторических предубеждений. Это ограниченность кругозора части групповых лидеров и, наконец, наличие альтернатив урегулированию (продолжение военных действий или сецессия, т.е. выход из состава государства какой-либо его части).

Все эти проблемы пока не имеют готовых решений, поскольку связаны не только с формальными институтами, но и с общественными настроениями и ориентациями. Перспективу Горовиц видит в глубоких социальных и экономических изменениях, которые способны разрушать вертикальные перегородки по мере повышения уровня жизни, формирования среднего класса и снижения религиозности. Непосредственный толчок к изменению привычных форм политического поведения и организации могут дать любые кризисные явления, требующие быстрой реакции системы и коллективных решений [8].

На наш взгляд, важно учитывать те риски, которые несёт разделённым обществам глобализация. Во многих случаях она осложняет управление культурным многообразием, стимулирует рост этнического национализма и активности трансграничных групп. Это означает, что для поддержания стабильности важны хорошие отношения с соседями и формирование региональных комплексов безопасности [9].

Этнические войны в разделённых обществах

Этническая война – тип гражданской войны, в которой стороны конфликта представлены этническими группами [10] и которые ведутся с целью расширения

политических прав определённых этнических групп и получения доступа к участию в процессах рекрутирования должностных лиц, принятия решений и самоуправления (от автономии до независимости) [11]. Согласно П.Кольеру, во время гражданских конфликтов этничность часто используется как инструмент пропаганды, и если этнические расколы не являются причинами конфликта, они могут быть его последствиями, так как общества попадают в «ловушку этнических категорий» [12]. Другими словами, вражда между этническими группами может не быть причиной войны, но может стать её результатом.

При рассмотрении этничности как фактора этнических войн большинство исследователей понимают её как примордиальную характеристику, как необходимый инструмент мобилизации ресурсов и стимулирования политических действий. Н.Самбанис уверен, что, поскольку для этнических войн характерны неизменная идентичность и распространение историй о вековой вражде и дискриминации, все члены группы не имеют индивидуального выбора и вынуждены быть мобилизованными – оппозиционная группа всегда будет видеть в них противников [13]. Однако с точки зрения рационального выбора любые идеи общего блага, в том числе этнического, вызывают «проблему безбилетника», что усложняет мобилизацию и координацию действий этнических групп в вооружённых конфликтах [14].

По мнению Л.Кребса, этнические группы определяются на основе общей идентичности, однако объединяющие характеристики не являются примордиальными. Как он считает, исследователям этнических войн свойственны две крайности. Одна воплощается во взгляде, что конфликт является следствием «вековой вражды» между различными этническими группами, другая представлена в утверждении, что стороны этнической войны – «банды мародеров, рекру-

тированные политическими лидерами под знамёнами общей этничности» [15]. В свою очередь, Дж.Фиарон придерживается мнения, что в этнических конфликтах наблюдается переплетение рационального расчёта и иррациональных реакций [16], рациональный выбор усиливается аффективными ориентациями, базирующимися на этнической идентичности.

Этнические конфликты можно рассматривать и как следствие определённой траектории государственного строительства, когда элиты не в состоянии по каким-либо причинам включить и интегрировать отдельные этнические сегменты. Исключение по этническому принципу стимулирует политическую мобилизацию в борьбе за представительство и включение этнической группы в процесс принятия решений или создание отдельного государства, в котором эта этническая группа будет доминировать [10].

По мнению Фиарона, этнические конфликты можно объяснить через так называемую дилемму безопасности, когда недоверие между сегментами усиливается вследствие распада государства, что стимулирует внутренние конфликты [16, 17]. Когда две политические группы оказываются без третьей стороны, которая могла бы быть гарантом их соглашений, наблюдается всплеск этнического насилия. Если никто не может дать гарантии соблюдения обязательств, отделение от слабого государства представляется лучшей альтернативой. Таким образом, дилемма безопасности приводит к превентивным войнам [18].

Разделённые общества в Европе: Испания

В конце XX в. было логично предположить, что консолидация демократии и рост уровня социально-экономического развития приведут к стягиванию социокультурных размежеваний в «государстве автономий», сформировавшемся при переходе от франкизма к представительной

демократии, однако этого не произошло. И Страна Басков, и Каталония, наиболее развитые и успешные регионы Испании, переживают в настоящее время подъём националистических и — в случае Каталонии — сепаратистских настроений. Причины роста таких идей и формирующихся на их почве движений чаще всего связывают с глобализацией, в частности с многократно усилившейся инокультурной миграцией, мировым экономическим кризисом конца 2000-х гг., недовольством граждан различными аспектами процесса европейской интеграции. Однако подобные явления свидетельствуют и о появлении новых напряжений в отношениях между центром и периферией многосоставных обществ, несмотря на то, что в XX в. рамка нации-государства получила широкое признание как норма территориально-политической организации современных обществ.

В испанской трактовке национальность (*nacionalidad*) — это своеобразный биофизический симбиоз территории и её населения, это группа людей, проживающих на какой-то территории, имеющих общие интересы и готовых их отстаивать. Национальность здесь отождествляется с регионом. По действующей Конституции каждый регион может провозгласить себя «национальностью» (что Каталония, Страна Басков, Галисия, Валенсия, Андалусия, Арагон, Канарские и Балеарские острова уже сделали). Запуск механизма этнизации в постфранкистской Испании, о котором говорят многие авторы, есть не что иное, как выражение региональных требований в этнических терминах [19, 20].

Испанское государство автономий гарантирует эффективное воплощение принципа солидарности, заботясь о поддержании адекватного и справедливого равновесия между различными территориями. Согласно законодательству в Испании существуют три вида автономий: «широкие» (Каталония, Страна Басков, Галисия, Андалусия), «узкие» (большая часть автоном-

ных сообществ) и «специальные» (Наварра, Канарские острова), различающиеся объёмом предоставленных им центральным правительством прав и привилегий. Государство автономий отличается от федераций, в которых центр и регионы могут иметь равный статус в принятии решений. Если первое исходит из единого и неделимого суверенитета, признающего автономии и уступающего им часть своих компетенций, то вторые рождаются из пакта между различными суверенитетами, которые решают сформировать новое государственное образование, передавая ему часть своих компетенций.

Вместе с тем испанское государство не обеспечивает уровня самоуправления, позволяющего регионам проводить собственную политику в областях, которые их граждане полагают значимыми для выражения своей политической идентичности, отличающейся от условной «общеевропейской».

Таким образом, новый европейский национализм связан не с развитием национального государства, а с регионализмом. Это выражается в требованиях пересмотра политико-институциональных отношений с центром, в борьбе за расширение гражданского участия в определении политической, социальноэкономической, культурной повестки дня.

Терроризм и разделённые общества

Продуктом глобализации на современном этапе стали крупные религиозно мотивированные террористические группировки, способные осуществлять контроль над территорией и населением, вести активное культурное и политическое наступление в виртуальном пространстве.

Однако не только бороться с терроризмом, но и изучать его очень непросто. Активность террористов питают идеи борьбы за высшие ценности и смыслы, и само освещение этой темы несвободно от политических пристрастий и эмоциональных оценок. Отнесение того или иного

вида насилия к терроризму зависит от социально-политического контекста, который не остаётся неизменным. Терроризм по понятным причинам сложно исследовать эмпирически и столь же сложно операционализировать. Наконец, вокруг его дефиниции и конкретных случаев её применения продолжают идти не только научные, но и политические баталии.

Исследовательский коллектив изучил терроризм как стратегию политического конфликта в разделённых обществах, вызванного системными ошибками государственных политик, маргинализацией широких социальных групп и сохраняющейся значимостью символических действий. Особое внимание было уделено примерам религиозного и этнического терроризма. Были изучены две модели терроризма: терроризм как инструмент широко трактуемой национально-освободительной борьбы в разделённых обществах и как форма несостоявшейся гражданской войны.

Этнический терроризм сфокусирован на этнической идентичности и этнической мобилизации [22]. Однако имея с этническими войнами общие цели и общую тактику, направленную на мобилизацию и политизацию, этнический терроризм расходится с ними в средствах борьбы. По мнению Д. Баймана, «терроризм является идеальной тактикой сепаратизма в многоэтнических демократиях... для сепаратистов целью выборов является поляризация, а не объединение общества. Терроризм в данном случае ещё более разделяет общество, помогая этнической группе достичь своих целей» [23].

Конфликты в разделённых обществах часто принимают форму религиозного терроризма. Для понимания этого феномена необходимо преодолевать ограничения его оценки как иррационального явления. Религиозный терроризм может быть и разнообразен, и по-своему рационален [24]. На поведение «национально ориентированных» террористических группировок влияют многочисленные

компромиссы между интересами безопасности, соображениями эффективности и задачами организационного контроля. Если в случае экзистенциального / апокалиптического терроризма прежде всего востребована стратегия силового ответа, то в случае насилия с целью изменения политического режима необходимо сочетание репрессивных мер с политикой развития и профилактической работой.

Современный терроризм в зеркале французской политики

Европейские общества с высокой долей инокультурных иммигрантов представляют собой новый вид разделённых обществ. Рассмотрим случай Франции. В последние годы во французской политике обострилась проблема иммигрантов-мусульман, доля которых в 2015 г. увеличилась до 9,34% населения страны [25]. Индикаторами этой проблемы стали, с одной стороны, волна терроризма 2012–2017 гг., а с другой — рост исламофобии.

Франция в качестве интеграционной стратегии применяет ассимиляцию, при которой иммигранты рассматриваются как лица, заключившие контракт с государством и обязавшиеся принять традиции и обычаи принимающей страны. Обращение иммигрантов-мусульман к исламу обусловлено необходимостью самоопределения в западном обществе и поиском защиты от недружественных действий [26]. В условиях конфликтности в культурно гетерогенном сообществе они используют ислам для артикуляции групповых интересов и идентичности, проводя разграничение по линии мусульмане-немусульмане [27].

Сложности интеграции проявляются и в росте исламофобии. Исламофобия подразумевает конструирование некоей статичной и вызывающей негативные коннотации «мусульманской идентичности», априори присущей всем мусульманам.

С 11 марта 2012 г. по 1 октября 2017 г. во Франции произошли 13 терактов (не считая предотвращённых), которые также можно рассматривать как сигнал о сбоях в интеграционном процессе. Волна террористической активности во Франции была обусловлена комплексом факторов. С одной стороны, это неудачи интеграционной политики и неготовность правительства её своевременно корректировать, с другой – внешнеполитические проблемы и вызов джихадизма. Мотивациями иммигрантов-мусульман к осуществлению терактов, помимо личных побуждений, были выражение поддержки сирийскому народу, протест против западного вмешательства на Ближнем Востоке и симпатии к ИГ(ИЛ).

Стереотипизация иммигрантов-мусульман, как и борьба с «отсталыми» мусульманскими ценностями, привели к углублению раскола между мусульманами и коренными жителями. Экстремизм, терроризм, потеря чувства безопасности внутри страны вызвали рост исламофобии и, как следствие, способствовали политическим успехам «Национального фронта».

Для Франции формирование подобного отношения к иммигрантам-мусульма-

нам является относительно новым явлением, поскольку она традиционно принимала мигрантов из бывших колоний, следуя политике ассимиляции и веря в формирование общегражданской идентичности [28].

* * *

Таким образом, в рамках работы над проектом были критически проанализированы существующие теоретические подходы и изучен эмпирический опыт решения проблем разделённых обществ в современном мире. Были рассмотрены институциональные методы разрешения и предотвращения межсегментных конфликтов в разделённых обществах в современных условиях. Исследовательский коллектив изучил сходства и различия разделённых обществ европейских, постсоветских и ближневосточных стран; роль идентичности в межсегментных конфликтах; сопоставил механизмы разрешения конфликтов в разделённых обществах в различных политических и культурных средах, рассмотрел проблемы интеграции и кооптации всех сегментов населения в существующие институциональные схемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics. Baltimore, MD, 1979. Vol. 31, Iss. 03. P. 325–344.
2. Roeder Ph.G. Power dividing as an alternative to ethnic powersharing // Sustainable peace: Power and democracy after civil wars / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. Ithaca: Cornell univ. press, 2005. P. 51–82.
3. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс, 1997.
4. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven, CT: Yale univ. press, 1999.
5. Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. N.Y.: Routledge, 2007.
6. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985.
7. Horowitz D.L. A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991.
8. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. Baltimore, MD, 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.

9. Кудряшова И.В. Как обустроить разделённые общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15–33.
10. Cederman L-E., Buhaug H., Rød J.K. A GIS-based analysis // Journal of conflict resolution – Ann Arbor. Mich., 2009. Vol. 53. № 4. P. 496–525.
11. Roeder P.G. Clash of civilizations and escalation of domestic ethno-political conflicts // Comparative political studies. Thousand Oaks, CA, 2003. Vol. 36, № 5. 2003. P. 509–540.
12. Collier P. Ethnic civil wars. Securing the post-conflict peace // Harvard international review. Cambridge, Mass., 2007. Vol. 28, № 4. P. 56–60.
13. Sambanis N. Partition as a solution to ethnic war: An empirical critique of the theoretical literature // World politics. Baltimore, 2000. Vol. 52, № 4. P. 437–483.
14. Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. Oxford, 2004. Vol. 56. P. 563–595.
15. Krebs L.F., Vorrath J. Democratisation and conflict in ethnically divided societies. // Living reviews in democracy. Zurich, Switzerland: Center for Comparative and International Studies: NCCR Democracy, 2009.
16. Fearon J. Ethnic war as a commitment problem. Paper presented at the 1994 Annual Meetings of the APSA, N.Y., August 30 – September 2.
17. Posen B.R. The security dilemma and ethnic conflict // Survival. Oxford, 1993. Vol. 35. № 1. P. 27–47.
18. Харитоновна О.Г. Этнические войны и постконфликтная демократия // Политическая наука. 2016. 1. С. 34–59.
19. Кожановский А.Н. Государственная идентификация по-испански // Испания: Анофас и профиль / Ред. В.Л. Верников. М.: Весть Мир, 2007. С. 195–212.
20. Кожановский А.Н. Этнический фактор в государстве автономий // Регионы и центр: как строить отношения? Испанский вариант. М.: Институт Европы РАН, 2008. С. 45–52.
21. Хенкин С.М. Политико-территориальная модель Испании: старые проблемы и новые вызовы // ПОЛИТИЯ. 2018 № 4 (91). С. 162–179.
22. Харитоновна О.Г. Изучая терроризм: Основные контуры дискуссии // Политическая наука. 2018. № 4. С. 13–33.
23. Vyman D. The logic of ethnic terrorism // Studies in conflict & terrorism. N.Y., 1998. Vol. 21, № 2. P. 149–169.
24. Кудряшова И.В. Религиозный терроризм: Концептуальные проблемы политического анализа // Политическая наука. 2018. № 4. С. 54–68.
25. Tribalat M. Immigration: «De 2007 à 2016, le nombre d'admis au séjour a augmenté de près d'un tiers» // Le Figaro. 2017. Avril, 18. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2017/04/17/31003-20170417ARTFIG00099-michel-tribalat-non-les-chiffres-de-l-immigration-ne-sont-pas-stables.php> (дата обращения: 10.07.2018).
26. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный текст и социальный опыт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 4. С. 349–365.
27. Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // Политическая наука. М., 2003. № 2. С. 86–116.
28. Захарова Е.А. Современный терроризм в зеркале французской политики // Политическая наука. 2018. № 4. С. 241–257.

ENGLISH

Political Regimes of Split Societies in the Context of Globalization

Oksana Gennadyevna Kharitonova – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, supervisor of the project “Political Regimes of Split Societies in the Context of Globalization” (16-03-00872a).

E-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

Irina Vladimirovna Kudryashova – PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, researcher in mentioned project.

E-mail: kudryashova23@yandex.ru

Sergey Markovich Khenkin – DSc in History, Professor, Department of Comparative Politics, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Leading Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, researcher in mentioned project.

E-mail: sergkhenkin@mail.ru

Evgeniya Aleksandrovna Zakharova – postgraduate student, Department of Comparative Politics, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, researcher in mentioned project.

E-mail: eva5094@mail.ru

Alyona Olegovna Blokhina – PhD student, Department of Comparative Politics, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, researcher in mentioned project.

E-mail: blokhina.alena@gmail.com

In the course of the project, the authors have studied ample new latest Russian and international scientific literature on split societies; today's status of studies of post-conflict settlement of split societies, ways of political control of split societies in the context of authoritarianism and democracy, territorial organization of split societies (federalization, regionalization).

The research explores the empirical experience of solving the problems of split societies in a comparative historical perspective, reviews institutional methods for resolving and preventing inter-segment conflicts. It compares processes of state and nation-building in the split conflict and post-conflict societies, examines separatist ethnic conflicts and cases of declaration of independence, secession and the emergence of de facto statehood, as well as the impact of these processes on the stability of political regimes and post-conflict institutionalization. The authors also focus on the challenges of globalization (migration, ethnic and religious terrorism) and the emergence of new foreign-cultural segments caused by migration in the old democracies (France, Spain and Germany).

Keywords: split societies, post-conflict resolution, distribution of power, ethnic conflict, ethnic war, terrorism, Spain, France

REFERENCES

1. Lustick I. Stability in deeply divided societies: Consociationalism versus control // World politics. Baltimore, MD, 1979. Vol. 31, Iss. 03. P. 325–344.
2. Roeder Ph.G. Power dividing as an alternative to ethnic powersharing // Sustainable peace: Power and democracy after civil wars / Ed. by Roeder Ph.G., Rothchild D. Ithaca: Cornell univ. press, 2005. P. 51–82.
3. Leypkhart A. Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: sravnitel'noe issledovanie. M.: Aspekt Press, 1997 (in Russian).
4. Lijphart A. Patterns of democracy. New Haven, CT: Yale univ. press, 1999.
5. Lijphart A. Thinking about democracy: Power sharing and majority rule in theory and practice. N.Y.: Routledge, 2007.
6. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985.
7. Horowitz D.L. A democratic South Africa? Constitutional engineering in a divided society. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1991.
8. Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems // Journal of democracy. Baltimore, MD, 2014. Vol. 25. № 2. P. 5–20.
9. Kudryashova I.V. Kak obustroit' razdelyonnye obshchestva // Politicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 15–33 (in Russian).
10. Cederman L.-E., Buhaug H., Rød J.K. A GIS-based analysis // Journal of conflict resolution – Ann Arbor. Mich., 2009. Vol. 53. № 4. R. 496–525.
11. Roeder P.G. Clash of civilizations and escalation of domestic ethnopolitical conflicts // Comparative political studies. Thousand Oaks, CA, 2003. Vol. 36, № 5. 2003. P. 509–540.
12. Sollier P. Ethnic civil wars. Securing the post-conflict peace // Harvard international review. Cambridge, Mass., 2007. Vol. 28, № 4. P. 56–60.
13. Sambanis N. Partition as a solution to ethnic war: An empirical critique of the theoretical literature // World politics. Baltimore, 2000. Vol. 52, № 4. R. 437–483.
14. Collier P., Hoeffler A. Greed and grievance in civil war // Oxford economic papers. Oxford, 2004. Vol. 56. P. 563–595.
15. Krebs L.F., Vorrath J. Democratisation and conflict in ethnically divided societies. // Living reviews in democracy. Zurich, Switzerland: Center for Comparative and International Studies: NCCR Democracy, 2009.
16. Fearon J. Ethnic war as a commitment problem. Paper presented at the 1994 Annual Meetings of the APSA, N.Y., August 30 – September 2.
17. Posen B.R. The security dilemma and ethnic conflict // Survival. Oxford, 1993. Vol. 35. № 1. P. 27–47.
18. Kharitonova O.G. Etnicheskie voyny i postkonfliktnaya demokratiya // Politicheskaya nauka. 2016. 1. S. 34–59 (in Russian).
19. Kozhanovskiy A.N. Gosudarstvennaya identifikatsiya po-ispanski // Ispaniya: Anfas i profil' / Red. V.L. Vernikov. M.: Ves' Mir, 2007. C. 195–212 (in Russian).
20. Kozhanovskiy A.N. Etnicheskiy faktor v gosudarstve avtonomiy // Regiony i tsentr: kak stroit' otnosheniya? Ispanskiy variant. M.: Institut Evropy RAN, 2008. C. 45–52 (in Russian).
21. Khenkin C.M. Politiko-territorial'naya model' Ispanii: starye problemy i novye vyzovy // POLITIYA. 2018 № 4 (91). S. 162–179 (in Russian).
22. Kharitonova O.G. Izuchaya terrorism: Osnovnye kontury diskussii // Politicheskaya nauka. 2018. № 4. S. 13–33 (in Russian).
23. Byman D. The logic of ethnic terrorism // Studies in conflict & terrorism. N.Y., 1998. Vol. 21, № 2. P. 149–169.

24. Kudryashova I.V. Religioznyy terrorizm: Kontseptual'nye problemy politicheskogo analiza // Politicheskaya nauka. 2018. № 4. S. 54–68 (in Russian).
25. Tribalat M. Immigration: «De 2007 à 2016, le nombre d'admis au séjour a augmenté de près d'un tiers» // Le Figaro. 2017. Avril, 18. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2017/04/17/31003-20170417ARTFIG00099-michel-tribalat-non-les-chiffres-de-l-immigration-ne-sont-pas-stables.php> (дата обращения: 10.07.2018).
26. Kudryashova I.V. Musul'manskaya politicheskaya identichnost' v sovremennuyu epokhu: svyashchennyy tekst i sotsial'nyy opyt // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2017. T. 19. № 4. S. 349–365 (in Russian).
27. Kudryashova I.V. Islamskaya tsivilizatsionnaya dominanta i sovremennoe razvitie musul'manskikh politiy // Politicheskaya nauka. M., 2003. № 2. S. 86–116 (in Russian).
28. Zakharova E.A. Sovremennyy terrorizm v zerkale frantsuzskoy politiki // Politicheskaya nauka. 2018. № 4. S. 241–257 (in Russian).